

Фрейд Зигмунд

Тотем и табу

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
3-59

3-59 **Зигмунд Ф.**
Тотем и табу / Фрейд Зигмунд – М.: Книга по Требованию, 2023. – 173 с.

ISBN 978-5-521-28666-9

ISBN 978-5-521-28666-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

таинственные загадки перед его примитивной способностью мышления ¹⁾

Процесс коллективного добывания пищи и процесс воспроизводства—вот что вызывало у первобытного человека ощущения, побуждавшие его к размышлению. Естественно, что смерть кого-либо, непонятная дикарю, как явление, но ослаблявшая силу коллектива, вселяла в живых страх, страх безотчетный, страх «смерти». В этом отношении и половые эмоции, связанные с процессом воспроизводства и с различными формами семьи, на протяжении всей истории, начиная от первобытных людей с их беспорядочным половым общением, групповым, экзогамным и, кончая культурным человечеством с его моногамным браком, являются серьезнейшим ферментом в образовании религиозных представлений и понятий человека на различных ступенях его развития.

Первобытный человек, стоя на границе зоологического существа и общественного человека, благодаря инстинкту самосохранения в процессе борьбы за существование, выработал систему защитительных функций, выработал ее бессознательно, при чем в дальнейшем в связи с развитием техники и форм производства все это постепенно вылилось в форму религиозных представлений и понятий, «охраняющих» и «спасающих» человека. Конечно, если образование религиозных представлений у первобытного человека обязано чувству страха, инстинктивной заботе о сохранении вида, то дальнейшее развитие религии у общественного человека зависит в конечном счете от материального процесса производства и связанных с ним производственных отношений. Естественная природа отступает на задний план.

Интересна в этом отношении точка зрения М. Н. Покровского, выраженная им в его «Очерке истории русской культуры» ²⁾. Он пишет: «Монах летописец называет... таинственных врагов Полоцкого населения по-христиански «бесами». Но простонародье окрестило их еще по-старому: «Говорили люди, яко сонавьє бьют полочан»,—что это мертвецы бьют полочан. Вот в этом-то народном объяснении мы и находим самый низкий

¹⁾ Кuhnow. «Возникновение религии и веры в бога». Г. И. 2-е изд., стр. 31—32.
Ср. К. Магх. «Капитал», т. I, пер. Струве, изд. 3-е, стр. 34.

²⁾ Ч. 2, изд. 2-е, стр. 3—4, 7—8.

и самый древний слой верований, какие только встречаются у какого-нибудь народа. Прежде, чем человек дошел до представления о богах или вообще о духах, он более всего на свете боялся покойников... Страх перед покойником есть не что иное, как особая форма страха смерти. Этим психологическая основа первобытной религии сводится к общему корню всей нашей сознательной деятельности—з а б о т е о с о х р а н е н и и (курсив наш—Г. В.).

...«Нет ничего ошибочнее,—пишет дальше М. Покровский,—как представлять себе миросозерцание дикаря источником его религии: миросозерцание, наоборот, складывалось на почве известных, готовых уже, религиозных эмоций. В корне первобытной религии лежит не какое-либо объяснение, а всего вероятнее, именно отсутствие объяснения... В основе религиозного мышления у дикаря лежит не представление, не логическая работа мысли, но а ф ф е к т—исходная точка всякого сознательного процесса вообще».

Партеногенезис, т.-е. вера в возможность зачатия от животного, растения и вообще всякого объекта или явления природы, как пишет об этом Л. Штернберг, весьма обыкновенное явление не у одних только первобытных народов. Объясняет он это антропоморфизмом природы, верой в р е а л ь н о с т ь с н о в и д е н и й, в частности э р о т и ч е с к и х, с действующими лицами в виде растений и животных и, наконец, крайне смутным представлением о процессе зарождения; так, например, во всей центральной Австралии существует, по словам того же Штернберга, убеждение, что зачатие происходит от вселения в тело женщины духа предка.

Предлагаемая вниманию читателя книга родоначальника психоанализа проф. Sigmund Freud'a представляет исключительный интерес как по своей архитектонике, так и по выводам, которые делает этот в высшей степени оригинальный ученый.

Правда, S. Freud признает, что психоанализ не владеет всеми средствами для выяснения генезиса и истории развития религиозных верований, которые могут быть выяснены, по его мнению, лишь через синтез мотивов, взятых из различных областей исследования этого вопроса. Попытка эта с помощью психоанализа разрешить проблемы социальной психологии, выяснить природу первобытной религии с ее «запретами кровосмешательства» и «велениями совести» делается впервые: не-

смотря на это, она дает ряд интереснейших выводов, которыми не так уж богата генетическая социология.

Процесс филогенезиса повторяет в своем личном развитии исторический процесс—от первобытного человечества к современному. В своем бессознательном человек несет бремя переживаний отдаленнейших предков. Непосредственно половые переживания и составляют содержание бессознательного у дикаря. Более интенсивная борьба за существование и трудовые процессы производства создали конфликт между содержанием первоначального бессознательного, пропитанного половыми переживаниями и последующим, вновь образованным сознанием, опирающимся на первобытную экономику. Разрешение этого конфликта происходит в результате постепенного вытеснения эротического содержания в область бессознательного, где путем длительного процесса создается особая символика, находящая свое отражение в целом ряде мифологических и религиозных представлений.

Таким образом, по атавизмам, замечаемым у ребенка и у взрослого - невротика, возможно проследить много интересного в отношении происхождения такой почти универсальной религиозно-социальной системы, как тотем, или системы специфических религиозных запрещений, черты которых на известной стадии общественного развития найдены у всех народов, как табу.

«Совершенно так же, как сознание медленно развилось из растительной жизни, в недугах старости, постепенном приближении смерти и в далеко зашедших душевных болезнях, оно снова разрешается в нее. Самые высшие, наиболее дифференцированные явления сознания уступают первыми; движения импульсивные, инстинктивные и рефлекторные снова становятся преобладающим. Фраза «впасть в детство» выражает сходство между первой стадией и стадией разложения» ¹⁾.

S. Freud, описывая различные тотем-кланы на Филиппинских и Соломоновых островах, у кафров Zulu и Basoga отмечает определенное отношение к теще и свекру. С тещей (у Japa-Love) разрешается говорить на расстоянии, запрещается произносить ее имя, ходить по ее следам, мужчина не смеет войти в дом, где теща. Эти запреты, очевидно, возникли с целью защиты брачной жизни от притязаний тещи. Опасения кровосмешения

¹⁾ Höffding. «Psychologie», p. 92.

(у Belouza), которое сурово карается у всех диких народов, вытекает из половой жизни детей, у которых часто возникают влечения к матери или сестре, и только с возрастом они освобождаются от него.

Изучая влечения, мы замечаем, что у детей сексуальность рано проявляется, и объектом их влечения служит их собственное тело. Эти влечения только с течением времени переходят на посторонний объект. Это первая стадия—авто-эротизм. Первый объект избрания—это собственное я. Это стадия—нарцизм. Нарцизм—это самовлюбление. Если подверженный нарцизму субъект находит себе объект сексуального удовлетворения, то он еще этим не излечивается от нарцизма. Акт влюбления сопровождается теми же симптомами, которыми характеризуется нарцизм.

Психоанализ дает возможность пройти через темный коридор бессознательного и пролить некоторый свет на психологическую причину происхождения тотемизма. Отношение ребенка к животному дружеское, ребенок считает зверя равным себе. Но вдруг у ребенка является боязнь к известной породе животных. Эта боязнь простирается на тех животных, которых он чаще видит, например: лошадей, собак, кошек, реже птичек, бабочек и т. д. Иногда этот страх является у ребенка по отношению к животным, которых он видит только на картинке. Один ребенок, описывает Freud, боялся осы, потому что ее цвет и рисунок напоминал ему тигра. Многие примеры из жизни больных страхом детей свидетельствует о том, что этот страх переносился детьми-мальчиками с отца на животных. 4-хлетний мальчик, страдающий кинофобией, увидев собаку, просил ее не трогать его,—он будет послушен. Послушание означало, что он не будет онанировать, а боязнь собаки—это была боязнь отца, который ему запрещал заниматься онанизмом. Психоанализ указывает на амбивалентность (Ambivalenz) чувств ребенка, который побеждает амбивалентный конфликт переносом своего страха на другой объект.

Интересен также пример Ferenczi, приводимый S. Freud'ом в его книге. Маленький Арпад ¹⁾ на почве нарцизма страшился кастрации. Его половой орган казался ему маленьким в сравнении с половым органом отца, и он боялся насмешки над своим. В данном случае, как и в эдиповском комплексе, отец-соперник в

¹⁾ См. выпуск XI этой библиотеки: «Психоанализ детского возраста».

сексуальном отношении. Когда Арпаду было $2\frac{1}{2}$ года, он однажды мочился в курятнике, и петух клюнул его в половой орган. Через год, вернувшись в это же самое место, он вообразил себя петухом. Долгое время он только кудахтал, а потом, когда к нему вернулась способность говорить, он говорил только о птицах, вообразив себя птицей. Он говорил, что его отец петух, и он со временем будет петухом. Однажды он сказал, что женится на соседке—на своей матери. Итак, отец играл роль тотем-зверя. Таким образом, может быть выведена тотемическая система брака, как следствие эдиповского комплекса, кинофобии Ганса и птицепохотливости Арпада.

Примеры, приведенные Freud'ом в этой книге, дают ясное представление о том, как путем психоанализа выясняется природа тотем-зверя и табу-запретов. Тотем-зверь заменяет отца (родоначальника), и потому понятна печаль и радость при жертвоприношении. Из этого вытекает амбивалентное чувство у детей, которые заменяют отца другим объектом.

Психоанализ указывает на то, что каждый индивидуум воображает себе бога подобным его отцу и что бог—это возвеличенный отец. Бога называют отцом, точно так, как тотем назывался родоначальником. В таком случае в первоначальном жертвоприношении отец является дважды, как бог и как жертвенный тотем.

Как в греческой трагедии герой, окруженный хором, страдает, ибо на нем лежит страшная вина, например, восстание против могущества бога, убийство и т. д.—хор сочувствует ему, так как он принимает всю вину на себя, чтобы избавить хор от возмездия, так и во всех религиях замечается тот же мотив—убийство, преступление и триумф победы. Искупляя свой грех, он вместе с тем становится на место отца, уподобляется божеству. Вспомните Иисуса Христа—«Сына Божия», вспомните—евхаристию; разве это не прежняя тотем-трапеза, во время которой братья вкушают от тела и крови сына, а не отца, освящаются этим и уподобляются богу. Это дает возможность сопоставления тотем-трапезы с жертвоприношением зверя, с подобием человеческой жертвы и с христианским обрядом—таинства «святого причащения».

Побуждения невротиков, их страх, навязчивые представления, боязнь ответственности неосознанной ими вины—все это отголоски нашей прежней жизни и отдаленных первобытных предков.

Заканчивая предисловие к этой любопытной книге, не могу не привести слов великого творца «Капитала»: «Древние общественные производственные организации гораздо проще и прозрачнее буржуазных, но они покоятся либо на незрелости человеческой личности, которая еще не оторвалась от пуповины, связывающей ее с близкими по крови, либо на отношениях непосредственного господства, с одной стороны, и рабства—с другой. Существование таких организаций определяется низкой степенью развития производительных сил труда и соответственной ограниченностью и узостью отношений людей в сфере материальной жизни, а потому—и их отношений между собой и к природе. Эта реальная узость отражается идеально—в древних естественных и народных религиях. Религиозное отражение реального мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда в условиях практической, будничной жизни людям будет ежедневно представляться вполне ясными и разумными отношения человека к человеку и к природе. Общественный процесс жизни, т.-е. материальный процесс производства лишь тогда сбросит мистическое покрывало, когда он, как продукт свободно соединившихся людей, станет под их сознательный и планомерный контроль» ¹⁾).

В конце длинного и темного коридора бессознательного стоит страж предсознания, который не пропускает в светлый зал сознания все те влечения и эмоции, которые для человечества являются вредными пережитками. Этот страж предсознания отгоняет в область бессознательного большинство вредных пережитков, мешающих дальнейшему росту производительных сил, где они спят, пока их не встревожат сны, галлюцинации или психическая травма.

В методологическом отношении психоанализ представляет, как в этом может убедиться читатель, не только большой интерес, но он и таит в себе большие возможности для построения на совершенно новых основаниях социальной психологии. Заторможенные или извращенные эмоции психоневротиков благодаря психоанализу, вскрывающему био-психо-социальные напластования, высвобождают их и превращают в социально-творческую силу, могущую быть использованной в грядущей борьбе за новый коммунистический мир.

Г. Вейсберг.

¹⁾ К. Маркс. «Капитал», т. I, пер. Струве, изд. 3-е, стр. 34—35.

ВВЕДЕНИЕ.

Нижеследующие четыре статьи, появившиеся в издаваемом мною журнале «Imago», первого и второго года издания, под тем же заглавием, что и предлагаемая книга, представляют собой первую попытку с моей стороны применить точку зрения и результаты психоанализа к невыясненным проблемам психологии народов. По методу исследования эти статьи являются противоположностью с одной стороны—большому труду W. Wundt'a, пользующегося для той же цели положениями и методами не аналитической психологии, с другой стороны—работам цюрихской психоаналитической школы, пытающейся, наоборот, проблемы индивидуальной психологии разрешать при помощи материала из области психологии народов ¹⁾. Охотно признаю, что ближайшим поводом к моей собственной работе послужили эти оба источника.

Я хорошо знаю недостатки моей работы. Я не хочу касаться пробелов, которые зависят от того, что это первые мои исследования в этой области. Однако, иные из них требуют пояснений. Я соединил здесь четыре статьи, рассчитанные на внимание широкого круга образованных людей, их, собственно говоря, могут понять и оценить только те немногие, кому не чужд психоанализ во всем его своеобразии. Задача этих статей—послужить посредниками между этнологами, лингвистами, фольклористами и т. д., с одной стороны, психоаналитиками—с другой; и все же они не могут дать ни тем, ни другим того, чего им нехватает: первым—достаточного ознакомления с новой психологической

¹⁾ Jung. Wandlungen und Symbole der Libido. Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen Bd IV. 1912; тот же автор, Versuch einer Darstellung der psychoanalytischen Theorie, Bd V. 1913.

техникой, последним—возможности в полной мере овладеть требующим обработки материалом. Им придется поэтому довольствоваться тем, чтобы здесь и там привлечь внимание и пробудить надежды на то, что если обе стороны будут встречаться чаще, то это окажется не бесполезным для научного исследования.

Обе главные темы, давшие наименование этой книге, тотем и табу, получают в ней не одинаковую разработку. Анализ табу отличается безусловно большей достоверностью, и разрешение этой проблемы более исчерпывающе. Исследования тотемизма ограничиваются заявлением: вот то, что в настоящее время психоаналитическое изучение может дать для объяснения проблемы тотема. Это различие связано с тем, что табу, собственно говоря, еще существует у нас; хотя отрицательно понимаемое и перенесенное на другие содержания, по психологической природе своей оно является не чем иным, как «категорическим императивом» К а н т а, действующим навязчиво и отрицающим всякую сознательную мотивировку. Тотемизм напротив—чуждый нашему современному чувству религиозно-социальный институт, в действительности давно оставленный и замененный новыми формами, оставивший только незначительные следы в религии, нравах и обычаях жизни современных народов и претерпевший, вероятно, большие изменения даже у тех народов, которые и теперь придерживаются его. Социальные и технические успехи в истории человечества гораздо меньше повредили табу, чем тотему. В этой книге сделана смелая попытка разгадать первоначальный смысл тотемизма по его инфантильным следам, из намеков, в каких он снова проявляется в процессе развития наших детей. Тесная связь между тотемом и табу указывает дальнейшие пути, ведущие к защищаемой здесь гипотезе, и если эта гипотеза, в конце концов, оказалась достаточно невероятной, то этот характер ее не дает основания для возражения против возможности того, что эта гипотеза все же в большей или меньшей степени приблизилась к трудно реконструируемой действительности.

Рим. Сентябрь 1913.

* * *

Психоаналитическое исследование с самого начала указывало на аналогии и сходства результатов его работ в области душевной жизни отдельного индивида с результатами исследо-

вания психологии народов. Вполне понятно, что сначала это происходило робко и неуверенно в скромном объеме и не шло дальше области сказок и мифов. Целью распространения указанных методов на эту область было только желание вселить больше доверия к невероятным самим по себе результатам исследования указанием на такое неожиданное сходство.

За протекшие с тех пор полтора десятка лет психоанализ приобрел, однако, доверие к своей работе; довольно значительная группа исследователей, идя по указаниям одного, пришла к удовлетворительному сходству в своих взглядах, и теперь, как кажется, наступил благоприятный момент приступить к границе индивидуальной психологии и поставить работе новую цель. В душевной жизни народов должны быть открыты не только подобные же процессы и связи, какие были выявлены при помощи психоанализа у индивида, но должна быть также сделана смелая попытка осветить при помощи сложившихся в психоанализе взглядов то, что осталось темным или сомнительным в психологии народов. Молодая психоаналитическая наука желает как бы вернуть то, что позаимствовала в самом начале своего развития у других областей знания, и надеется вернуть больше, чем в свое время получила.

Однако трудность предприятия заключается в качественном подборе лиц, взявших на себя эту новую задачу. Не к чему было бы ждать, пока исследователи мифов и психологии религий, этнологи, лингвисты и т. д... начнут применять психоаналитический метод мышления к материалу своего исследования. Первые шаги во всех этих направлениях должны быть безусловно предприняты теми, которые до настоящего времени, как психиатры и исследователи сновидений, овладели психоаналитической техникой и ее результатами. Но они пока не являются специалистами в других областях знания и, если приобрели с трудом кое-какие сведения, то все же остаются дилетантами или в лучшем случае автодидактами. Они не смогут избежать в трудах своих слабостей и ошибок, которые легко будут открыты и, может быть, вызовут насмешку со стороны цехового исследователя-специалиста, в обладании которого имеется весь материал и умение распоряжаться им. Пусть же он примет во внимание, что наши работы имеют только одну цель побудить его сделать то же самое лучше, применив к хорошо знакомому ему материалу инструмент, который мы можем ему дать в руки.

Касаясь предлагаемой небольшой работы, я должен указать еще на одно извиняющее обстоятельство, а именно, что она является первым шагом автора на чуждой ему до того почве. К этому присоединяется еще то, что по различным внешним мотивам она преждевременно появляется на свет и публикуется по истечении гораздо более короткого периода, чем другие сообщения, гораздо раньше, чем автор был в состоянии разработать богатую литературу предмета. Если я тем не менее не отложил публикации, то к этому побуждало меня соображение, что первые работы и без того грешат большей частью тем, что хотят охватить слишком много и стремятся дать такое полное разрешение задачи, какое, как показывают позднейшие исследования, никогда невозможно с самого начала. Нет поэтому ничего плохого в том, если сознательно и с намерением ограничиваешься небольшим опытом. Кроме того, автор находится в положении мальчика, который нашел в лесу гнездо хороших грибов и прекрасных ягод и созывает своих спутников раньше, чем сам сорвал все, потому что видит, что сам не в состоянии справиться с обилием найденного.

У всякого принимавшего участие в развитии психоаналитического исследования, остался достопамятным момент, когда С. G. Jung на частном научном съезде сообщил через одного из своих учеников, что фантазии некоторых душевно-больных (*Dementia praecox*) удивительным образом совпадают с мифологическими космогониями древних народов, о которых необразованные больные не могли иметь никакого научного представления. Это указало не только на новый источник самых странных психических продуктов болезни, но и подчеркнуло самым решительным образом значение параллелизма онтогенетического и филогенетического развития и в душевной жизни. Душевно больной и невротик сближаются таким образом с первобытным человеком, с человеком отдаленного доисторического времени, и, если психоанализ исходит из верных предположений, то должна открыться возможность свести то, что имеется у них общего, к типу инфантильной душевной жизни.
